

Т. Р. Рыжикова

Институт филологии СО РАН

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ БАРАБИНЦЕВ (по материалам В. В. Радлова и Л. В. Дмитриевой)

Аннотация. Язык барабинских татар – коренного малочисленного тюркоязычного этноса, проживающего на территории Новосибирской области – находится под угрозой исчезновения. Его уровни чрезвычайно плохо изучены. Исследование способов выражения компаративности на материале данного идиома проводится впервые, что является целью данной статьи. Для реализации поставленной цели были проанализированы фольклорные тексты, представленные главным образом дастанами, т. е. героическими сказаниями, опубликованными в двух работах: В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи» и Л. В. Дмитриевой «Язык барабинских татар». Для анализа языкового материала использовался подход, разрабатываемый в Секторе языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

В ходе исследования были выделены следующие способы передачи компаративности: 1) эквивалентность выражается аффиксами =таў / =тәў; =лай / =ләй и =лайын / =ләйин; предикатами подобия *оша* = ‘быть похожим’, *оқша* = ‘быть похожим’; аналитическим показателем *болыт*; параметрическим именем *сорлугу* ‘величиной с, такой величины’; а также другими средствами – словами *ийәғәллү* ‘подобный’, *кәбәк* ‘подобный, похожий’, *табыннайын* ‘точно также’; 2) дифференциация сравниваемых предметов достигается как лексическими средствами – словами *артық* ‘лучше, лучший’, *эң* ‘самый’, *отары* ‘все более и более’, *кичә*, *кичййә* ‘меньше’, так и при помощи аффикса сравнения =рақ / =рәк. В большинстве случаев, параметр и / или эталон сравнения выражен имплицитно и выводится дедуктивно из контекста.

Примеры из каждой группы представлены неодинаковым количеством единиц. С одной стороны, это может свидетельствовать о разной частотности употребления тех или иных способов выражения сравнения, с другой стороны, жанровые особенности, возможно, наложили ограничения на узус. В целом, рассмотренные сравнения имеют аналоги в других тюркских языках, но и обладают определенной уникальностью, что может объясняться переходным характером языка барабинских татар – от южно-сибирских тюркских языков к языкам Урала и Поволжья, а также Средней Азии.

В дальнейшем, планируется рассмотреть использование сравнительных конструкций на материале разговорной речи барабинцев.

Ключевые слова: барабинские татары; фольклор; сравнение; дастаны; героические сказания; устные фольклорные традиции; компаративы; миноритарные этносы; коренные тюркские народы Сибири; языки под угрозой исчезновения

Для цитирования: Рыжикова, Т. Р. Способы выражения сравнения в фольклоре барабинцев (по материалам В. В. Радлова и Л. В. Дмитриевой) // Эпосоведение. – 2024. – № 3 (35). – С. 85–96. – DOI : 10.25587/2782-4861-2024-3-85-96.

© Рыжикова, Т. Р., 2024

© Ryzhikova, T. R., 2024

РЫЖИКОВА Татьяна Раисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектор языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия. ORCID 0000-0001-6337-725X. E-mail: tanya12@mail.ru

RYZHIKOVA Tatiana Raisovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Sector of the Languages of Peoples of Siberia, Institute of philology SB RAS, Novosibirsk, Russia, ORCID 0000-0001-6337-725X. E-mail: tanya12@mail.ru

Т. R. Ryzhikova

Institute of Philology SB RAS

**Ways of expressing comparison in the folklore of the Barabians
(based on the materials of V. V. Radlov and L. V. Dmitrieva)**

Abstract. The language of the Baraba Tatars, an indigenous small Turkic-speaking ethnic group living in the Novosibirsk Region, is considered to be severely endangered. Its levels are extremely poorly understood. The purpose of this article is to study the ways of expressing comparativity based on the material of this idiom and such study is being conducted for the first time. To achieve this goal, folklore texts presented mainly by dastans, i. e. heroic tales, published in two works: V. V. Radlova “Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe” and L. V. Dmitrieva “The language of the Baraba Tatars” were analyzed. An approach developed in the Sector of Languages of the Peoples of Siberia at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences was used to analyze the linguistic material.

In the course of the study, the following ways of transmitting comparativity were identified: 1) the equivalence is expressed by affixes =*taw* / =*täw*; =*lai* / =*läi* and =*layin* / =*läyin*; predicates of similarity *osha* = ‘to be similar’, *oqsha* = ‘to be similar’; analytical index *bolyp*; parametric name *sorlugu* ‘the same size as’; and other means – words *shägällü* ‘similar’, *käbäk* ‘similar, alike’, *tagynnajyn* ‘the same way’; 2) differentiation of the compared objects is achieved both by lexical means – the words *artyk* ‘better, best’, *eng* ‘the most’, *otary* ‘more and more’, *kichä*, *kichyä* ‘less’, and with the help of the affix of comparison =*rak* / =*räk*. In most cases, the parameter and/or comparison standard is expressed implicitly and is deduced from the context.

Examples from each group are represented by an uneven number of units. On the one hand, this may indicate a different frequency of use of certain ways of expressing comparison, on the other hand, genre features may have imposed restrictions on usage. In general, the considered comparisons have analogues in other Turkic languages, but also have a certain uniqueness, which can be accounted for by the transitional nature of the language of the Baraba Tatars – from the South Siberian Turkic languages to the languages of the Urals and the Volga region, as well as Central Asia.

In the future, it is planned to consider the use of comparative concepts based on the material of the colloquial speech of the Barabians.

Keywords: Baraba Tatars, folklore, comparison, dastans, heroic tales, oral folklore traditions, comparatives, minority ethnic groups, indigenous Turkic peoples of Siberia, endangered languages

For citation: Ryzhikova, T. R. Ways of expressing comparison in the folklore of the Barabians (based on the materials of V. V. Radlov and L. V. Dmitrieva). *Epic studies*. 2024, No. 3(35), pp. 85–96. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-3-85-96.

Введение

Одной из характерных черт тюркского фольклора является использование большого количества сравнительных оборотов, особенно в героическом эпосе для описания богатыря и его коня. В статье рассмотрены способы выражения компаративности в фольклорных произведениях барабинских татар, собранных и записанных В. В. Радловым [1] и Л. В. Дмитриевой [2]. Выбор работ данных авторов обусловлен тем, что опубликовано мало барабинских фольклорных текстов. Д. Г. Тумашева, один из основных исследователей языка сибирских татар, в т. ч. и барабинских, – изучала также и их фольклор, однако опубликованные тексты крайне сложно найти. Самая новейшая публикация барабинско-татарских произведений принадлежит Ф. Ф. Юсупову и его коллегам [3]: сборник содержит как ранее собранные и опубликованные тексты, так и экспедиционные материалы авторов, однако они не использовались в данном исследовании. Коллектив авторов также проделал огромную работу по переизданию и переводу монографии В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи» [1]. Русскоязычные тексты представляют собой не художественный, а выполненный достаточно близко к содержанию перевод, что позволяет использовать его при

работе. Таким образом, материалом исследования послужили переведенные на русский язык дастаны и песня, представленные в «В. В. Радлов и его книга “Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и дзунгарской степи...”» [3], а также разножанровые фольклорные произведения, опубликованные и переведенные Л. В. Дмитриевой [2].

При подготовке монографии В. В. Радлов не указывал жанровую принадлежность барабинских текстов, однако исследователи определяют их как дастаны – героические сказания. Л. Х. Мухаметзянова описывает эпос-дастаны как объемные варьирующиеся произведения, изображающие жизнь народа в широком эпическом масштабе [4, с. 3], именно поэтому из всего творческого наследия они считаются наиболее ценными. Название «дастан» содержательно менялось со временем и теперь включает в себя много значений: эпические произведения, созданные как коллективное творчество; варианты произведений средневековой литературы, бытующие в устном исполнении; фольклоризированные произведения, когда-то претендовавшие на историческое повествование. Идеино-эстетическая ценность дастанов определяется их поэтическими особенностями и в первую очередь тесно связана с обязательным присутствием героики, показом богатырства [4, с. 4]. Известный татарский фольклорист Ф. И. Урманчеев дает следующее определение: дастан (фарси) – эпический жанр фольклора и письменной литературы народов Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Среднего Поволжья и Приуралья; в отдельных случаях может представлять собой олитературенные варианты произведений народного творчества (сказок, легенд и преданий). Распространяются в народе как устно, так и письменно. По форме могут быть прозаическими, стихотворными или смешанными – стихотворно-прозаическими; могут быть от начала до конца стихотворными (киргизский «Манас», узбекский «Алпомиш», каракалпакский «Сорок девушек», целый ряд вариантов распространенного у многих народов «Идегея») или частично стихотворными («Тахир и Зухра», «Козы-Корпеш и Баян-сылу») или полностью прозаическими (башкирско-татарский «Джик-Мэрген», известный у ряда тюркских народов «Йир Тюшлюк») [5, с. 32]. Он же приводит классификацию дастанов: 1) ранние героико-мифологические дастаны; 2) героические дастаны; 3) лиро-эпические дастаны или дастаны о любви; 4) дастаны книжного происхождения.

Считается, что у ряда восточных тюркоязычных народов эпос или дастан издавна играл роль катализатора и кода-определителя, отражающего уровень развития эпического фольклора. Эпос – достаточно сложное явление, которое изменяется и формируется одновременно с процессом формирования народов и государств. Устные дастаны, прежде всего, были широко распространены и сохранились у таких этнотерриториальных групп татар, как сибирские и астраханские. Зафиксированные из уст сибирско-татарских сказителей, например, «Алпамыш», «Кузы-Курпяч и Баянсылу», «Йиртюшлек», отдельные устные варианты «Идегея» и других дастанов стали достоянием общетюркского фольклора [4, с. 12–13]. С этой мыслью согласен и Ф. И. Урманчеев: эпические сказания татарского народа сохранились не столько у поволжских, сколько у сибирских, главным образом барабинских, татар, о чем свидетельствует IV часть известного десятитомника академика В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен» (1872), где было опубликовано немалое количество эпических сказаний сибирских татар, а также материалы многочисленных экспедиций в Сибирь казанских фольклористов [5, с. 8–9].

Е. М. Мелетинский, изучая историю происхождения героического эпоса, писал, что героическому эпосу тюркских народов Сибири и бурят по сути чужд историзм в узком и буквальном понимании этого слова. Это, конечно, не значит, что в героическом эпосе не получили отражения история народов – носителей эпоса – и взгляды народа на свое прошлое. Дело лишь в том, что конкретные исторические события (хотя и сильно измененные народной фантазией, полулегендарные) стали предметом разработки особых исторических легенд и преданий, этих своеобразных устных народных исторических хроник. Тем не менее в фольклоре сибирских тюрков существовал принципиальный, почти непреодолимый водораздел между исторической

легендой и героическим эпосом, ядро которого сложилось в догосударственный период, когда в условиях господства родо-племенного мировоззрения в значительной мере сохраняли силу мифологические концепции о племени как о человечестве вообще, а иноплеменная среда недостаточно выделялась из окружающей природы [6, с. 257]. В. Я. Пропп указывал на «героическое сватовство» и «борьбу с чудовищами» как на центральные темы эпического творчества эпохи разложения первобытнообщинного строя. Однако к ним необходимо добавить еще и популярную тему родовой мести и некоторые другие. Он также считал, что основная проблематика «догосударственного» эпоса обращена своим острием против родовых норм, представлений и идеалов (цит. по: [6, с. 259]). Все мотивы и сюжеты, характерные для героического сказания, встречаются и в барабинско-татарских текстах, записанных В. В. Радловым.

Опубликованные Л. В. Дмитриевой барабинские материалы имеют более широкий жанровый охват, чем у В. В. Радлова. Их можно определить следующим образом: 1) легенды и предания об истории барабинцев; 2) разные виды дастанов; 3) байты, стихотворения и песни, в том числе авторские; 4) пословицы, поговорки, загадки. Некоторые дастаны, записанные В. В. Радловым, зафиксированы и Л. В. Дмитриевой, причем иногда в разных населенных пунктах (например, Козыкёрпёч и Баянсылу, ЦанМерген и др.). Особый интерес представляет лирическое стихотворное песенное произведение барабинского поэта-певца XIX в. Эйдуке-Айтуке. Л. В. Дмитриевой удалось записать около 20 куплетов этой песни – 17 в ауле Тармакуль и 8 в ауле Шагыр [2, с. 25].

Целью данной статьи является описание средств выражения сравнения в фольклоре барабинцев. Анализ семантики сравнения и структуры сравнительной конструкции производится в соответствии с подходом, разработанным в Секторе языков народов Сибири Института филологии СО РАН [7].

1. Конструкции со значением эквивалентности

1.1. Конструкции, формируемые аффиксами =*таў* / =*тәў*; =*лай* / =*ләй* и =*лайын* / =*ләйин*

Самой многочисленной является группа сравнительных конструкций, в которой второй компарат оформляется аффиксами: 1) =*таў* / =*тәў*, =*тай* / =*тәй* (с сингармоническими вариантами); 2) =*лай* / =*ләй* (с сингармоническими вариантами); =*лайын* / =*ләйин* (с сингармоническими вариантами). Д. Г. Тумашева отмечает, что аффиксы со сравнительно-уподобительным значением =*лай* / =*ләй* и =*лайын* / =*ләйин* в языке барабинцев довольно продуктивны, в отличие от других диалектов и говоров сибирских татар (за исключением тарского гвора, в котором данные аффиксы также встречаются) [8, с. 219]. Элемент *й-ын* (в составе =*лайын*) возводят к деепричастному аффиксу [8, с. 137]. Особенностью ЯБТ являются и аффиксы =*таў* / =*тәў*, не отмеченные в других диалектах сибирских татар [8, с. 219]. Л. В. Дмитриева выделяет такие же аффиксы со значением сравнения [2, с. 221].

При описании богатырского коня в разных текстах используются сходные сравнения.

(1) *Кызыл Орым кылыклу, / кайзан камыш кулаклу, / тостугандай туяклу, / сарымсактай азулу*¹ ... [4, с. 178].

тостуган=**дай**
блюдо=**CMPR**

туяк=лу
копыто=**POSSV**

сарымсак=**тай**
чеснок=**CMPR**

азу=лу
рот=**POSSV**

букв.: ‘с копытом как блюдо, с коренным зубом как чеснок’

‘Кызыл Ор мой с характером, / Ушки – словно обрубленный камыш, / Копыта – словно плоски, / Зубы, как дольки чеснока...’² [3, с. 192].

В данной конструкции второй компарат принимает сравнительный аффикс *-дай* / *-тай* и располагается перед первым компаратом. Возможно также и обратное расположение членов

¹ В барабинских примерах сохранена авторская запись.

² Сразу после глоссирования приводится буквальный перевод, а за ним – оригинальный авторский перевод.

сравнительной конструкции, при котором второй компарат располагается после первого, если занимает позицию предиката (а не определения), см. пример (2):

*каның, іаң, төрөң
сарымсактаі азулу,
алын өргөңүң май паскан,
арт өргөңү түйөддөі,
кәгілін кыстаі сыларған,
курубун парстаі тараған
ат нәрәдір Токтамыш іаң
аны кайдып інін мүнзәңәі! [3, с. 145]
сарымсактаі азулу,
кыйған камыш кулаклу,
тостуғандаі туяаклу,
цүөңдөддөі көслү,
алын өргөңү түйөддөі,
арт өргөңүң май паскан,
әндәі ат нәрзәдә
аны кайдып інін мүнөлмөн...*
[3, с. 145–146]

‘Хан твой, хозяин, Величество,
даст тебе коня с зубами,
как дольки чеснока,
с передним горбом, заплывшим жиром,
с задним горбом, как у верблюда,
с мордой, как у девушки намазанной,
с хвостом расчесанным, как у барса,
Вернись, сядь верхом на него!’ [3, с. 164]
‘Вернувшись, не смогу сесть на коня
с зубами, как дольки чеснока,
с ушами, как обрубленный камыш,
с копытами, как ковш,
с глазами, как пиалы,
с передним горбом, как у верблюда,
с задним горбом, заплывшим жиром,
Если даже такую лошадь отдаст...’ [3, с. 164]

арт	өргөңү	түйө=дөі	цүөңдө=дөі	көс=лү
задний	горб=POSS.3	верблюд=CMPR	чашка=CMPR	глаз=POSSV
кәгілін	кыс=гаі	сылар=ған	алын	өргөңү
челка=ACC	девушка=CMPR	красить=PP	передний	горб=POSS.3
				верблюд=CMPR

букв.: ‘задний горб как у верблюда, с глазами как чашка, челка украшена как у девушки, передний горб как у верблюда...’

‘с задним горбом, как у верблюда, с глазами, как пиалы, с мордой, как у девушки намазанной, с передним горбом, как у верблюда’ [3, с. 164].

Здесь, во фрагменте «горб как у верблюда» сравнительная конструкция занимает позицию предиката, а в выражении «с глазами как чашка» – определительную.

В рассмотренных выше конструкциях компаративный аффикс *-май / -mäi* указывает на форму сравниваемых предметов, что является основанием сравнения, например:

$$\begin{aligned} \{\text{глаз, [круглый]}\} &= \{\text{чашка, [круглая]}\}^3 \\ \{\text{горб коня, [форма]}\} &= \{\text{[горб] верблюда, [форма]}\} \\ \{\text{украшена челка [коня]}\} &= \{\text{украшена чёлка девушки}\} \\ \{\text{копыто, [круглое и выпуклое]}\} &= \{\text{блюдо, [круглое и выпуклое]}\} \end{aligned}$$

На наш взгляд, в случае описания формы зубов коня сравнение проводится с целой головкой чеснока, а не с ее частью, т. е. с долькой чеснока, как у [Юсупова], поскольку коренной зуб, зуб мудрости имеет форму, похожую на перевернутую чесночную головку. Кроме того, возможно, так же имеет значение и размер коренного зуба, зуба мудрости, который значительно больше всех остальных зубов.

$$\begin{aligned} \{\text{коренной зуб, [круглый, ребристый]}\} &= \{\text{[головка] чеснока, [круглая, ребристая]}\} \\ \{\text{коренной зуб, [большой]}\} &= \{\text{[головка] чеснока, [большая]}\} \end{aligned}$$

³ Значение высказываний описывается при помощи метаязыковых репрезентаций, отражающих семантическую структуру сравнения [7, с. 194–195].

Примеры с аффиксом *-таў / -тәў* встречаются у В. В. Радлова несколько реже, чем у Л. В. Дмитриевой.

(3) *Көзи чүячайдәў болған, бойы арбамақдаў болған* [2, с. 102].

көз=и	чүячай=дәў	бол=ған	бой=ы	арбамақ=даў	бол=ған
глаз=POSS.3	чашка=CMPR	быть=PP	рост=POSS.3	аргамак=CMPR	быть=PP

букв.: 'Глаза его как чашка были, рост его как молодой жеребец был'

'Глаза его были как чаши, рост его как аргамак' [2, с. 102].

Как и в примере (2) сравнительный оборот в позиции предиката сочетается со связкой «быть» для выражения значения времени.

(4) *...казандау кара таш жүдү...* [3, с. 247]

казан=дау	кара	таш	жүдү
казан=CMPR	черный	камень	падать=PAST

букв.: 'как казан черные камни посыпались'

'...посыпались черные камни величиной с казан' [3, с. 252].

(5) *Бир көзи чүячайдәў киши, йылғысыны айағы бағанадаў бизгә...* [2, с. 102].

бир	көз=и	чүячай=дәў	киши	йылғы=сы=ны	айағы=ы
один	глаз=POSS.3	чашка=CMPR	человек	лошадь=POSS.3=GEN	нога=POSS.3
бағана=даў	биз=гә				
столб=CMPR	мы=DAT				

букв.: 'один человек с глазами как чашка, у его коня ноги как столбы нам (сказал)'

'Нам (сказал) человек с глазами как чашка, ноги у его коня как столбы...' [2, с. 102].

В первом случае (человек с глазами как чашка) основанием для сравнения может служить как форма (круглая), так и размер (большие глаза): Сравнение с чашками или блюдцами достаточно распространено и в литературе: «Солдат достал огниво и огарок, но, как только ударил по кремню, высекая огонь, дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами, как чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье»⁴ [9, с. 30]. «И без того большие глаза девицы стали размером с блюда»⁵.

Во втором примере (ноги у его коня как столбы) основанием сравнения выступают как форма (цилиндрическая), размер (большие, длинные), так и характеристика устойчивости (стоять столбом, т. е. неподвижно).

Аффикс сравнения *=лайын / =ләйин* встретился только в одном примере:

(6) *...оқлар чыбын-чэргәйләйин очып тораты* [2, с. 82].

оқ=лар	чыбын-чэргәй=ләйин	очы=п	тора=ты
стрела=PL	комар-муха=CMPR	лететь=CV	AUX: стоять=PRES

букв.: 'стрелы как комары и мухи летят'

'... вот стрелы летят, как мухи и комары' [2, с. 82].

⁴ Следует отметить, что это описание самой маленькой собаки, которую встретил солдат в подземелье. У остальных двух глаза сравниваются с мельничными колесами (или жерновами) и с круглой башней. В оригинальном тексте «... oven paa den sidder en Hund; han har et Par Øine saa store som et Par Thee kopper...» [Hans Christian Andersen. Fyrtøiet. 1835] глаза сравниваются с чайными чашками.

⁵ Т. Раевская. Диагноз: влюблен, или сладкое лекарство для доктора Зарецкого. 2019. 236 с.

Сравнение основано на многочисленности насекомых:

{стрелы летят, [в большом количестве]} =
 {комары и мухи [летят], [в большом количестве]}

Все рассмотренные аффиксы выражают сходство по форме, качеству или количеству сравниваемых предметов. Модель сравнительной конструкции можно представить следующим образом:

$$N_{NOM}^{CMPR1} N^{CMPR2} = COMP^{EQU} (cop)$$

$$N^{CMPR2} = COMP^{EQU} N_{NOM}^{CMPR1}$$

$$[N_{NOM} V_f]^{CMPR1} [N = COMP^{EQU}]^{CMPR2}$$

Во всех рассмотренных случаях параметр (PRM), на котором основывается сравнение, не имеет эксплицитного выражения. Этот компонент может быть выведен на основании ассоциативной связи, которая может различаться в зависимости от языковой картины мира говорящего и слушающего.

1.2. Конструкции, формируемые предикатом подобия

Еще одним способом выражения сравнения в фольклорных текстах является использование слов со значением подобия: *оша* = ‘быть похожим’, *оқша* = ‘быть похожим’.

(7) ... *диқарға ошаған полғаннар* [2, с. 98].

диқар=ға	оша=ған	пол=ған=нар
диқарь=DAT	походить=PP	быть=PP=3PL

букв.: ‘на дикарей были похожи’
 ‘...были как дикари’ [2, с. 98].

Чтобы установить параметр и первый компарат сравнения в примере (7), необходимо привести более широкий контекст: «Мой прадед – дед Юнус (с) шестью братьями переселились из России. Поселились они в ауле Онар, там жил народ бараба, они ничего не знали (букв.: не видели), были как дикари. Когда наши деды совершали намаз (и) *азан*, они пугались и убежали к себе домой» [2, с. 99]. Здесь поведение коренного населения барабинцев сравнивается с поведением дикарей, когда они сталкиваются с новыми людьми и с неизвестной культурой⁶. Таким образом, первым компаратом сравнения является поведение барабинцев, вторым – дикарей, а всё сравнение в свернутом виде подчёркивает отклонение от привычного или ожидаемого поведения.

{барабинцы [ведут себя]} = {дикари [ведут себя]}

$$N_{NOM}^{CMPR1} N^{CMPR2}_{DAT} V_f^{EQU}$$

Аналогичным образом выражается сравнение с глаголом *оқша* = ‘быть похожим’ (примеры (8) и (9)). В обоих случаях одна неизвестная шуба сравнивается со своей шубой и подчеркивается их сходство.

(8) *Нәк минңгә тонымға оқшаған тон?* [3, с. 243]

нәк	минңгә	тон=ым=ға	оқша=ған	тон
почему	я.GEN=? ⁷	шуба=POSS.1SG=DAT	походить=PP	шуба

букв.: ‘Почему на мою шубу похожая шуба?’

⁶ В начале XX в. на территорию Барабинской лесостепи, автохтонным населением которой являлись барабинцы, переселилось большое количество татар из волго-уральского региона со своим языком, культурой и религиозными традициями. Л. В. Дмитриева указывает, что данный рассказ записан у Махутдиновой Бадрикамаля Закировны в ауле Тебисс НСО. Очевидно, что рассказчица является потомком тех переселенцев.

⁷ Данная форма зафиксирована в материалах В. В. Радлова, однако статус и этимология аффикса -гә требует уточнения.

‘Почему эта шуба похожа на мою шубу?’ [3, с. 248].

(9) Пу тон минің тонымға окша=ган тіп күй=дүм [3, с. 244].

пу тон минің тон=ым=ға окша=ган тіп күй=дүм
эта шуба я.GEN шуба=POSS.1SG=DAT **походить**=PP CONJ смеяться=PAST.1SG

букв.: ‘Я засмеялся, подумав, что эта шуба на мою шубу похожа’

‘Засмеялся, подумав, что эта шуба похожа на мою шубу’ [3, с. 244].

В обоих случаях эталоном сравнения выступает шуба говорящего, а параметром – внешний вид обеих шуб.

{эта шуба, [внешний вид]} = {моя шуба, [внешний вид]}

$$N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} N_{\text{DAT}}^{\text{CMPR2}} V_{\text{f}}^{\text{EQU}}$$

1.3. Конструкции, формируемые аналитическим показателем *болып*

В тюркских языках Сибири встречаются сравнительные конструкции с аналитическим показателем *полуп* ‘как’ (см., например, [10]). Служебное слово *полуп* образовано от бытийного глагола *пол=* ‘быть, становиться’ в форме деепричастия на *=(BI)n*. Конструкция с этим словом передает «значение идентификации, т. е. оно полностью идентифицирует предмет сравнения с эталоном, выражая превращение в него» [11, с. 150]. В барабинских текстах встретилось всего несколько примеров с этим показателем⁸.

(10) Йышқы табы йылан **болып** йырғап тораты [2, с. 119].

йышқы табы йылан **бол=ып** йырға=п тора=гы
стружка змея **как** устремляться (в разные стороны)=CV AUX: стоять=PAST

букв.: ‘Стружки разлетелись в разные стороны как змеи’

‘Стружки, став (как) змей, устремляются (в сторону)’ [2, с. 119].

Приведенное образное сравнение описывает, как стружки при строгании дерева рубанком, извиваясь и перекручиваясь, разлетаются в разные стороны. В роли эталона сравнения выступает движение змей: если змею поднять в воздух и отбросить, она тоже начинает извиваться, скручиваться, закручиваться кольцом.

Схематично, данную конструкцию можно представить следующим образом:

{стружки [извиваются]} = {змея [извивается]}

$$[N_{\text{NOM}} V_{\text{f}}]^{\text{CMPR1}} [N_{\text{NOM}}]^{\text{CMPR2}} \text{болып}^{\text{EQU}}$$

В примере (11) описывается следующая ситуация: Ак Кобок, вернувшись после рыбалки, заглянул в колодец и увидел, как рыбы воюют друг с другом. Он говорит: «Суда палык жау күдөрүтү... мин мында тудум, әдәм **полып** міндә жау күдөрүм» (‘В воде воюют рыбы... Я родился здесь как человек, и я буду воевать здесь’ (перевод Ф. Ю. Юсупов и др)).

(11) «Мин мында тудум, әдәм **полып** міндә жау күдөрүм» тиди [3, с. 172].

мін мында ту=ду=м әдәм **пол=ып** мін дә жау
я здесь родиться=PAST=1SG человек **как** я PTCL воевать
күдөр-ү-м ти=ди
поднимать-PRP-1SG говорить=PAST

⁸ Поскольку язык барабинцев до сих пор является бесписьменным, то не существует единых правил орфографии. У разных авторов встречается написание данного показателя как *полуп* и *болып*. Поскольку считается, что данный идиом развивается по пути озвончения, то как основной выберем вариант со звонким губно-губным в начале.

‘Я родился здесь как человек, и я буду воевать здесь’ – говорит [3, с. 186].

Однако более правильный перевод, по нашему мнению, следующий: ‘я родился здесь (вероятно, имеется в виду на суше, в этой местности), и я буду воевать как человек или как мой отец (более общее – мои предки)’. В словаре Л. В. Дмитриевой дается такой перевод слова *äädäm*: 1) человек, 2) Адам [2, с. 130]. В Большом татарско-русском словаре лексема *адәм* имеет такой же перевод: 1) человек, человеческий, 2) *миф*. Адам [11, с. 166]. Поэтому при переводе можно делать акцент как на человеческую сущность героя – он противопоставляет себя рыбам, так и на связь героя со своими предками, так как Адам в исламе – первый человек и прародитель всего сущего на земле [13].

{главный герой воюет} = {люди как вид воюют} или
 {главный герой воюет} = {предки воюют}
 $[N_{\text{NOM}} V_f]^{CMPR1} [N_{\text{NOM}}]^{CMPR2} \text{полып}^{EQU}$

1.4. Конструкции, формируемые параметрическим именем

В примере (12) сравнение выражается при помощи слова *сорлузу* ‘величиной с, такой величины’, которое обозначает параметр сравнения и формирует определительную сравнительную конструкцию. Размер участка земли, который просит Ермак, главный герой дастана о Кучум Хане, сравнивается со шкурой быка.

(12) ‘... маңа пір пуға тірәзінің сорлузу жір пәр!’ [3, с. 94].

маңа	пір	пуға	тірә=зі=нің	сор=лу=гу	жір	пәр
я.DAT	один	бык	шкура=POSS.3=GEN	размер=POSSV=?	земля	давать=IMP.3SG

букв.: ‘Дай мне землю размером со шкуру одного быка!’

‘... дай мне участок земли размером с бычью шкуру!’ [3, с. 95].

Эталоном сравнения выступает бычья шкура, а параметром – ее размер. Слово *сорлузу* обозначает одновременно и параметр, и эквативность отношения. Схематически предложение можно представить следующим образом:

{участок земли, [размер]} = {шкура быка, размер}
 $N_{\text{GEN}}^{CMPR2} N_{\text{PRM}}^{\text{PRM}} = \text{POSSV} = \text{гу}^{EQU} N_{\text{CMPR1}}$

1.5. Другие средства выражения компаративности

В единичных примерах встретились лексические средства выражения сравнения *шәгәллү* ‘подобный’, *кәбәк* ‘подобный, похожий’, *табыннайын* ‘точно также’, однако в этой статье они не будут рассмотрены.

2. Конструкции со значением дифференциальности

Группа конструкций описывает различия между компаратами и формируется как лексически при помощи специальных слов или послелогов (*артық* ‘лучше, лучший’, *әң* ‘самый’, *отары* ‘все более и более’, *кичә*, *кичийә* ‘меньше’), так и грамматически (сравнительный аффикс =*рақ* / =*рәк*).

2.1. Конструкции, формируемые лексическими средствами

1) *артық* ‘лучше, лучший’:

(13) *Пі улу мырзадан артык полды, кан улу солтанна артык полды* [3, с. 215].

пі	ул=у	мырза=дан	артык	пол=ды	кан	ул=у
бий	сын=POSS.3	мурза=ABL	лучше	становиться=PAST	хан	сын=POSS.3

солтан=на	артык	пол=ды
султан=ABL	лучше	становиться=PAST

‘Стал краше сына бия – мурзы, краше султана – сына хана’ [3, с. 222].

(14) ... *pištän артык ада полдың; pištän артык инә-дә полдың pišniñ палаларға...* [3, с. 123].

piš=гән артык ада пол=ды=ң piš=гән артык инә=дә
мы=ABL лучше отец становиться=PAST=2SG мы=ABL лучше мать=LOC

пол=ды=ң piš=ниң пала=лар=ға
становиться=PAST=2SG мы=GEN ребенок=PL=DAT

букв.: 'Лучше нас отцом стал, лучше нас матерью стал нашим детям'

'... нашим детям больше нас стал отцом, больше нас матерью стал нашим детям' [3, с. 131].

(15) *Пу кижі инәдәй кадыр турду, инәбiстәң артык-ок полды пу* [3, с. 205].

пу кижі инә=дәй кадыр тур=ду инә=бiс=тәң артык-ок
этот человек мать=CMPR уважение стоять=PAST мать=POSS.1PL=ABL лучше-
PTCL

пол=ды пу
становиться=PAST этот

букв.: 'Этот человек (женщина) для нас стал как уважаемая мать, она даже стала лучше, чем мать'

'Эта старуха стала для нас как мать, стала даже дороже матери' [3, с. 212].

В приведенных выше примерах слово с оценочной семантикой *артык* 'лучше, лучший' показывает превосходство одного субъекта над другим, даже если один из них не выражен эксплицитно. Схематически эти конструкции можно выразить следующим образом:

{[Кара Кокол], красивый} > {мурза, [красивый]}

{[Кара Кокол], красивый} > {султан, [красивый]}

{[Мижик Алып] является родителем, хорошим} > {мы [являемся родителями], [хорошими]}

{старуха, хорошая} > {наша мать, [хорошая]}

$N_{NOM}^{CMPR1} N_{ABL}^{CMPR2}$ артык(сор)

$[N_{NOM} N_{NOM/LOC}(сор)]^{CMPR1} N_{ABL}^{CMPR2}$ артык

Именная часть компарата (мать, отец, родители), может иметь или не иметь падежного аффикса, как в примере (8): *ада* 'отец', *инә-дә* 'мать=LOC'.

Остальные лексические средства выражения дифференциальности (*эң* 'самый', *отары* 'все более и более', *кичә, кичийә* 'меньше') встретились в единичных примерах.

2.2. Конструкции, формируемые аффиксом =рак / =рәк

Из всей выборки всего в двух примерах использован сравнительный аффикс =рак / =рәк. В устной речи компаративные конструкции с данным аффиксом встречаются достаточно часто.

(16) *Анаң соң киттiләр iртәбiлә, пардылар күн киң полды, одынну jirgә түйтүләр, сурак полды* [3, с. 147]

су(ык)=рак пол=ды
холодный=CMPR становиться=PAST

букв.: 'холоднее стало'

'Утром, после этого, пошли дальше, шли, шли, ночь сменила день, с лошадей слезли на землю, стало прохладно' [3, с. 166].

(17) *Толайынан та көбирәк ит тотатыңан полғаннар* [2, с. 84].

толайынан та көби=рәк ит тотаты=ңан пол=ған=нар
обычно CONJ много=CMPR собака держать=PP становиться=PP=3PL

букв.: ‘И обычно больше собак держали’

‘И больше всего они обычно держали собак’ [2, с. 84].

В приведенных примерах один из компаратов отсутствует и может быть выведен только дедуктивно:

{[воздух], холодно, [теперь]} > {[воздух], [интенсивность], [раньше]}
 {собаки, количество, обычно} > {[собаки], [количество], [сейчас]}

В примере (16) актуализируется противопоставление временных планов, хотя в предложении оно никак не выражено, а подразумевается имплицитно, т. е. сравнительное отношение устанавливается между двумя пропозициями характеристики, выраженными в свернутом виде [7]. Схематично структура данного типа сравнений выглядит следующим образом:

ADJ/ADV^{PRM} = COMP^{DIFF}(cop)

Таким образом, в фольклоре барабинцев используются разные способы выражения компаративности: аффиксальный, лексический, грамматический.

Заключение

Фольклор барабинцев включает разные жанры, но больше всего представлены дастаны, которые у барабинских татар сохранились лучше, чем у других групп татар. Язык барабинских героических сказаний не очень богат с грамматической точки зрения, но является образным, а рассмотренные сравнения, с одной стороны, имеют аналогии в других тюркских языках, а с другой – обладают определенной уникальностью.

Выявленные сравнительные конструкции были разделены на две группы: 1) конструкции со значением эквивалентности; 2) конструкции со значением дифференциальности, в которых выделены подгруппы.

В первой группе, которая описывает сходство предметов, эквивалентность выражается разными способами: аффиксами =*таў* / =*тәў*; =*лай* / =*ләй* и =*лайын* / =*ләйин*; предикатами подобия *оша*= ‘быть похожим’, *оқша*= ‘быть похожим’; аналитическим показателем *болып*; параметрическим именем *сорлуғу* ‘величиной с, такой величины’; а также другими средствами – словами *шәғәллү* ‘подобный’, *кәбәк* ‘подобный, похожий’, *табыннайын* ‘точно также’.

Вторая группа дифференцирует сравниваемые предметы, что достигается как лексическими средствами – словами *артық* ‘лучше, лучший’, *эң* ‘самый’, *отары* ‘все более и более’, *кичә*, *кичыйә* ‘меньше’, так и при помощи аффикса сравнения =*рақ* / =*рәк*.

Рассмотренные способы выражения компаративности в фольклорных текстах представлены неравнозначно. Один из параметров сравнительной конструкции, как правило, выражен имплицитно и его можно вывести лишь дедуктивно, восстановив недостающие компоненты.

Дальнейшая работа предполагает выявление существующих способов реализации сравнения в разговорной речи барабинских татар.

Литература

1. Радлов, В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собраны В. В. Радловым = Proben der Volksliteratur der turkischen Stamme Sud-Sibiriens: [на языках подлинников]: [в 10 ч.]. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1866–1907. (Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. I отделение, Образцы народной литературы). Ч. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. 1872. XV, 411 с.
2. Дмитриева, Л. В. Язык барабинских татар. – Ленинград : Наука. 1981. – 225 с.
3. Юсупов, Ф. Ю. В. В. Радлов и его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и джунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар» (Спб., 1872). – Нижний Тагил : Онлайн-сервис, 2021. – 911 с. (На рус. и татарском яз.)
4. Мухаметзянова, Л. Х. Эпическая культура татар. Дастаны. – Казань : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2023. – 120 с. – (Обычаи и традиции татарского народа).

5. Урманче, Ф. И. Тюркский героический эпос. – Казань : ИЯЛИ, 2015. – 448 с.
6. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. – Москва : Восточная литература, 2004. – 462 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока: Осн. в 1969 г.)
7. Кошкарёва, Н. Б., Плотников, И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. – 2023. – № 2. – С. 180–216.
8. Тумашева, Д. Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань : Издательство Казанского университета, 1977. – 296 с.
9. Андерсен, Г. Х. Сказки и истории. В 2 томах. Т. 1. – Ленинград : Художественная литература, 1969. – 584 с.
10. Озонова, А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. – 2023. – № 3. – С. 42–55. – DOI : 10.25587/2782-4861-2023-3-42-55.
11. Тыбыкова, А. Т., Черемисина, М. И., Тыбыкова, Л. Н. Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. 2-е изд. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2013. – 268 с.
12. Татарско-русский словарь: в 2-х томах (А–Л). – Казань : Магариф, 2007. – 726 с.
13. Wheeler, B. M. Prophets in the Quran: An Introduction to the Quran and Muslim Exegesis. – London; New York : Continuum, 2002. – 404 p. (На англ. яз.)

References

1. Radlov, V. V. Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe, collected by V. V. Radlov = Proben der Volksliteratur der turkischen Stamme Sud-Sibiriens: [in the original languages]: [in 10 books]. Saint Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1866–1907. (The dialects of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe. I section, Samples of folk literature). Part 4: Dialects of the Baraba, Tarsk, Tobolsk and Tyumen Tatars. 1872. XV, 411 p. (In Rus.)
2. Dmitrieva, L. V. The language of the Baraba Tatars. Leningrad, Nauka Publ., 1981, 225 p. (In Rus.)
3. Yusupov F. Yu. V. V. Radlov and his book “Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe. Part 4. The dialects of the Barabin, Tarsk, Tobolsk and Tyumen Tatars” (St. Petersburg, 1872) [Text]: [in Russian and Tatar]. Nizhny Tagil : Online service, 2021, 911 p. (In Siberian Tatar and Rus.)
4. Mukhametzyanova, L. Kh. The epic culture of the Tatars. Dustans. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2023, 120 p. (Customs and traditions of the Tatar people). (In Rus.)
5. Uрманче, F. I. The Turkic heroic epic. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, 2015, 448 p. (In Rus.)
6. Meletinsky, E. M. The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments. 2nd ed., corrected. Moscow, Oriental Literature Publ., 2004, 462 p. (Studies on folklore and mythology of the East: Founded in 1969) (In Rus.)
7. Koshkareva, N. B., Plotnikov, I. M. Metalanguage of the description of the semantics of comparison as a linguistic sign. *Kritika i semiotika*, 2023, No. 2, pp. 180–216. (In Rus.)
8. Tumasheva, D. G. Dialects of the Siberian Tatars. The experience of comparative research. Kazan, Kazan University Press, 1977, 296 p. (In Rus.)
9. Andersen, H. C. Fairy tales and stories. In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, Khudozhestvennaya loiteratura Publ., 1969, 584 p. (In Rus.)
10. Ozonova, A. A. Ways of expressing comparison in the Altai epic (based on the material of the epic “Ochy-Bala”). *Epic studies*, 2023, No. 3, pp. 42–55. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-42-55. (In Rus.)
11. Tybykova, A. T., Cheremisina, M. I., Tybykova, L. N. Syntax of a complicated sentence in the Altai language. 2nd ed. Gorno-Altai, Gorno-Altai State University Press, 2013, 268 p. (In Rus.)
12. A Tatar-Russian dictionary: in 2 vol. (A–L). Kazan, Magarif Publ., 726 p. (In Tatar and Rus.)
13. Wheeler, B. M. Prophets in the Quran: An Introduction to the Quran and Muslim Exegesis. London; New York, Continuum Publ., 2002, 404 p.